

Ольга Хольман
Точка над О

Ольга Хольман

Точка над О

«Издательские решения»

Хольман О.

Точка над О / О. Хольман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851123-3

О любви и нежности никогда не будет сказано в достаточной мере. Сборник «Точка над О» — та самая лирика, которой так не хватает современному человеку. Сюда вошли произведения, написанные в период 2000—2017 гг., а также небольшой бонус — раздел с весёлыми детскими стихами и раннее творчество автора. Книга будет интересна как ценителям нежной и чувственной «цветаевской» поэзии, так и тем, кто хоть раз в жизни любил всей душой. Прикоснитесь к пронзительной рифме, вам понравится.

ISBN 978-5-44-851123-3

© Хольман О.

© Издательские решения

Содержание

«А стихи всё равно ведь рождаются, даже в усталости...»	8
Пусть будет так	9
Ищущий – обрящет	10
Марлен	11
«Когда я жила на шестнадцатом этаже...»	12
Отныне и присно	13
Мантра имени	14
Обрыв	15
Женской истерики яд	16
Нежность в пуантах	17
Над уровнем моря	18
Связь	19
Ближе	20
Ноябристое	21
Линии нежности	22
Без малого – тридцать	23
Ростовское	24
Точка невозврата	25
Девушка-сон	26
29	27
С кем-то другим	28
Крым	29
«Хрупкие пальцы её...»	30
В ладошках	31
Многоточия	32
За краем света	33
Ч/б	34
Крымский вечер	35
Моё море	36
Дарья	37
Боже святой!	38
В тридесятом царстве	39
Симфония	40
Как хорошо, что ты есть!	41
Быть любви	42
«Возьми такси и приезжай ко мне...»	43
От А до Ю	44
Молчание	45
Порыв	46
Гвозди с земляникой	47
Не трогайте музу руками	48
«Мы с тобою поехали дальше...»	49
37,2	50
«Гнись, тростинка, на ветру...»	51
Позвоните родителям	52
Чернобыль	53

«Люблю тебя – светло и чисто...»	54
«Топишь в сердце, как в печке, лёд...»	55
«Птица белая, птица славная...»	56
Бессонница	57
Девичье	58
«Жую минуты. Вечер тянет в ночь...»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Точка над О

Ольга Хольман

*Маме,
моему первому и верному поклоннику*

*Фотограф Анна Пинус
Дизайнер обложки Антон Печёный
Дизайнер обложки Ольга Тарасенко*

© Ольга Хольман, 2017
© Анна Пинус, фотографии, 2017
© Антон Печёный, дизайн обложки, 2017
© Ольга Тарасенко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1123-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот она – физически осязаемая и весьма увесистая книга. Лежит в руке, пахнет типографской краской. Она пришла в единственно правильный момент, когда все звёзды сошлись в той самой точке над «О». Я бесконечно благодарна своим друзьям: на протяжении десяти лет они не уставали повторять, что сборник моих стихов должен, нет, *обязан* увидеть свет.

Отдельное спасибо Анне Пинус, которая свято верит, что однажды эти стихи будут проходить в школе и знает их все едва ли не лучше, чем я сама. Спасибо Антону Печёному за то, что написанные мною слова стали *спетьми* и вошли в историю – пусть и для узкого круга фанатов группы В ту NGL. Спасибо маме, которая, читая новые стихотворения, часто плакала, но всегда смотрела на меня особенным материнским взглядом – после такого хотелось немедленно зарифмовать хоть что-то ещё. Спасибо моей сестре, которая, в общем-то, никогда не была ценителем поэзии, но именно к моему творчеству относилась с особым уважением и трепетом. Спасибо моему любимому мужчине, который принял меня с багажом этих неразгаданных эмоций и уверенно поддержал в решении опубликовать книгу.

Иногда мне бывает жаль, что я не отношусь к той категории поэтов, что думают стихами и пишут про мир вокруг. Моё творчество – нечто из серии душевного эксгибиционизма. Нет,

не все стихи написаны обо мне, но все они прожиты мною до последней точки, прочувствованы каждым нервом.

Я не могу найти ответ на вопрос, почему сейчас сочиняю так редко. Порой мне кажется, что все слова уже написаны, все рифмы использованы. Но потом на свет откуда-то появляется новый стих, и я с удивлением его рассматриваю: как же так? Полгода не было, а тут – на тебе! Спустя время мне снова начинает казаться, что вот именно он-то и станет последним, и так ситуация повторяется по спирали. Два раза в год – не лучшая скорость письма; наверное, теперь у меня слишком спокойная, гармоничная и счастливая жизнь. Тем не менее я хотела бы верить, что однажды этот сборник дополнится несколькими десятками новых стихов, и моим читателям ещё долгие годы не случится узнать, каким из написанных строк на самом деле суждено стать *последними*.

«А стихи всё равно ведь рождаются, даже в усталости...»

А стихи всё равно ведь рождаются, даже в усталости,
Даже в этом безумном и полуночном бреду...

И в болезни, и в здравии – вместе до самой старости,
И в печали, и в радости я за тобою пойду.
Проникаем друг в друга – с чувством и пониманием,
Проникаясь друг другом в клятвах пред алтарём.

Потому что любовь – это великое Знание,
И его неотрывно мы постигаем вдвоём.

Пусть будет так

Вот здесь, где мы, берёт начало свет.
Смотри, родной, уже вершится чудо:
Слова опять пришли из ниоткуда
И выстроились в слаженный куплет.

Пусть будет так, как я скажу сейчас:
Единожды сплетясь – не разделиться.
Мы начались и будем вечно длиться,
Пусть будет так.
Пусть будет так для нас.

Ищущий – обрящет

Ищи свой путь, ведь ищущий – обрящет,
Но до поры, когда получишь Знак,
Ключи от дома брось в почтовый ящик:
Пусть кто-нибудь другой хранит очаг,

Пусть кто-нибудь живой и настоящий
Лелеет то, чем прежде ты владел.

А ищущий – конечно же, обрящет,
Ведь каждый получает, что хотел.

Марлен

Марлен перед сном обнимает кота,
Ведь больше некого обнимать ей.
Никто не снимает с Марлены платье,
Любуясь линией живота,
Влюбляясь в девичий силуэт,
Целуя ямочки от улыбки...

Марлен – ничья золотая рыбка —
Решительно выключает свет.

Ещё чуть-чуть – и постигнет дзен,
Ещё немного – и станет легче.

Кота к себе прижимает крепче,
И кот мурлычет своей Марлен.

«Когда я жила на шестнадцатом этаже...»

И.Г.

Когда я жила на шестнадцатом этаже,
Мы были как будто ветвями единого рода.
Но то – не по крови, а по бездонной душе:
Привязка по карме, а не по генному коду.

Я нынче ищу в отражении ваши штрихи
И именем вашим жажду благословиться!
Как глупо выходит: посмертно пишу вам стихи
И робко прошу – уходя, обещайте мне сниться.

Отныне и присно

Было сказано:

«Ныне и присно, взаимно дающим
Будут мёдом лечебным воды любовных рек».

Каждый день я люблю тебя больше, чем в предыдущий, —
А казалось, так не способен любить человек!

Я тебя уведу в бесконечность новой Вселенной,
Той, где в воздухе властвует музыка правильных слов.
Так предсказано рифмой, а рифма поэта священна,
И любовь наша – тоже.
Отныне,
Во веки веков.

Мантра имени

Ты мой храм, ты мой дом, ты начало моих начал.
Кольцевая любых дорог на земле или суше,
Вечный светоч покоя. Ты гавань моя и причал,
У которого мне так легко швартовать свою душу!

Ты – Учитель и друг,
Созидатель Любви и Творец.
Моё сердце извечной мелодией Жизни объято!

Ты мой дом.
Ты мой храм.
Ты начало всему и конец.
Я дышу твоим именем, верность храня ему свято.

Обрыв

Эта любовь, что рифмами билась в венах, —
Сильнейшая из любых возможных любовей! —
Как раз создала жизни в других вселенных,
Когда её оборвали на полуслове.

Так птицу в полёте снимает охотник меткий,
Так мины коварной под ноги летят осколки...

Чьи-то миры превратились в закрытые клетки,
И музыка сердца родного навеки умолкла.

Женской истерики яд

Я стала сегодня колкой.
Такой: «Ни во что не верю!
Ни в будущие рассветы, ни в смысл твоих святынь!»
Я обернулась волком – тем злым одичалым зверем,
Чей взгляд беспощадно-горек, как ведьминская полынь.

Жестокой бросаюсь рифмой, буду кричать и злиться:
Я точно умею устно ранить и убивать.
Полшага – и будет поздно, и будет не возвратиться;
Полжеста – и слово-птица вылетит, не поймать!

Но в эти фонтаны яда, где каждая буква жжётся
И чёрным мазутом вязким стекает в нутро канав,
Ты без страховки выйдешь смелым канатоходцем
И молча меня обнимешь, крепко к груди прижав.

Нежность в пуантах

Нежность моя для тебя танцует в пуантах
День изо дня – там, где мысли стихами прольются.
Я бы твои без конца целовала таланты,
Если бы только могла до них дотянуться,

И душу твою золотую покрыла бы слоem
Своих поцелуев – тёплых, как летний ветер.

Я так люблю тебя! Я восхищаюсь тобою.
Спасибо тебе за то, что ты есть на свете.

Над уровнем моря

В мире полно похожих любовных историй,
Но именно эту
Наши запомнят внуки:
Как на восьми километрах над уровнем моря
Я вспоминала губы твои и руки.

Тысячи жизней прожито было нами
И в тысячной степени наша любовь воспета!
Дай, я продолжу о ней говорить стихами:
Пусть наши внуки благодарят за это.

СВЯЗЬ

Мы знакомы с тобой со времён первобытной общины,
Мы видали шумеров, кормили с руки райских птиц...
Я всё так же, как прежде, тянусь к твоей колкой щетине
И без боя сдаю оборону личных границ.

Я хочу засыпать, накрываясь тобою, как пледом,
Обнимать твою душу, телами в узлы заплетаясь.

Век за веком мы ищем друг друга по тайному следу,
И находим, скрепляя в сердцах нерушимую связь.

Ближе

Вот я: то в словах, то в буквах, то где-то между.

Ищи меня там, где рифма атласно-нежна,
Где я раздеваюсь, не прикасаясь к одежде,
И остаюсь с изнанки обнажена.
Где я на ладони – хрупкая, словно чижик,
Которого вдруг из клетки сумел достать...

Ты слишком близок,
Но хочется быть ещё ближе,
Вплотную, —
Насколько вообще можно близкими стать.

Ноябристое

Потянулись тонких деревьев спицы —
Ввысь, до кромки седьмых небес.
Эта нежная осень так ноябрится,
Что невольно ждёшь от неё чудес.

Сердцу стылому боязно трепыхаться,
Но,
По рифме души скользя,
Чувства вьются кружевом – не угнаться!
Ведь иначе, знаешь, любить нельзя.

Линии нежности

В профиле тонком ли, в лёгком движении рук,
Взмахе ресниц, в повороте или наклоне —
Линии нежности неуловимы, как звук,
Их ни один хиромант не найдёт на ладони.

С силой, которой росток пробивает бетон,
Нежность растёт и как будто сама себя множит.
В этом бою ты давно уже побеждён —
Первым и робким прикосновением к коже.

Так зарождается лучшая из ночей,
Определяя новое место гнездовья.
Нежность всегда начинается с мелочей,
И покоряет тебя, обернувшись любовью.

Без малого – тридцать

Без малого – тридцать, а те же девчонки-мальчишки:
Соблазны, кокетство и кошки-мышкины страсти.
Ты слишком родной, и мне страшно от этого «слишком»,
Как страшно бывает от вновь обретённого счастья.

Нырять в этот омут – не размышляя, не мучась,
Не слушая больше доброжелательных мнений.

Сомненья лелеять – довольно печальная участь.
Без малого – тридцать!
И хватит просаживать время.

Ростовское

Где-то у горизонта гремят поезда.
Южная ночь обжигает, как солнце полудня.
Красным домашним вином себя разнуздав,
Я начинаю отсчёт опускных жарких будней.

Ухает сыч. В чёрном небе ищу звёздный ковш,
Путаясь в блёстках созвездий.
Какая погода!
Жаркие ночи: июль бесподобно хорош
И беспробудна моя молодая свобода!

Точка невозврата

С этой причёской ты удивительно юн.
С этой улыбкой ты потрясающе светел!

Каждому нужно сколько-то горьких лун,
Чтобы бессонниц липкие сбросить сети,
Чтобы дышать без боли и без обид
И заново верить – так, как умел когда-то.

Сердце, конечно, новый запустит бит,
Но маленькой смертью станет черта невозврата.

Девушка-сон

Струится в бокал нить дешёвенького винца,
Дымится в лицо паутинка твоей сигареты.
Я девушка-сон. Досмотри меня до конца:
Доспи до утра, проживи ахинею сюжета,
Прожуй комья в горле, чтоб плюнулось далеко, —
Наутро, когда остывает клубок одеяла...

Я девушка-сон.
Со мною совсем не легко,
И лучше б проснуться – пока беспробудно не стало.

29

Кого-то сомнения гложут:
Мол, свет ли в конце тоннеля?
А я год от года – моложе
И в чем-то даже смелее.

Вот она, женская сила:
Всё прожитое – шедевры!
Нет, я б ни за что не сменила
Последний в двадцатке – на первый!

С кем-то другим

Кутаюсь, греюсь в тёплых твоих объятьях —
Словно возможно мёрзнуть под солнцем Крыма!
Ты меня даже ни разу не видел в платье —
Только в купальнике: лето, жара, вестимо.
Мокрые волосы пахнут солёным морем,
Гладкая кожа пахнет загаром южным...

С кем-то другим быть «в радости или горе»,
Кому-то другому быть бесконечно нужной;
И не тебе сына дарить и дочку,
Не ты окольцуешь пальцы мои и сердце.

Так отчего же просится чувство в строчках,
И только в твоих руках я могу согреться?

Крым

А мне б хоть на полчаса оказаться там,
Где море шлифует крымский скалистый берег!
Где нет городской суеты и чужих истерик,
Где голову кружит горная высота
И даже у ветра неповторимый вкус,
А солнце такое, как больше нигде на свете!

Мой островок на необъятной планете —
Словно жемчужина в нитке дешевых бус,
Словно фонарный лучик в кромешной мгле.

Время течет, пальцы водой омывая.
Дайте мне полчаса!
Есть филиалы у Рая,
И я побывала в одном из них на Земле.

«Хрупкие пальцы её...»

Хрупкие пальцы её
Держишь в большой руке.
Время года прольёт
И растворит в реке;

Плавится, тает лёд
Под нежной улыбкой глаз.
Тонкие пальцы её
Держишь как в первый раз!

Пусть сердце стучит в груди
Свой нервный, безумный бит.
Она тебе всё простит.
Ты только её люби.

В ладошках

Любовь устроилась в ладошках:
Горячая – растопит лёд!
На вид ещё такая крошка,
Но, видишь, с каждым днём растёт
И крепнет, набирает силу,
И нежность льется за края.
Она точь-в-точь, как я просила:
Такая настоящая!

Стою, смущённая немножко,
И на тебя в упор смотрю.
Я принесла любовь в ладошках.
Она твоя, бери! Дарю!

Многоточия

Пишу, но не дописываю суть.
Рисую многоточия, не точки.
Попробуй догадаться как-нибудь,
О чём не договаривают строчки!

Играть словами – в этом я мастак!
Порой не раскусить бывает.
Впрочем,
Ты понимаешь всю меня и так,
Ведь сердце – самый лучший переводчик.

За краем света

Где-то там, за краем света,
Где-то там, за гранью мира,
Мы своё искали лето
В море колера сапфира,
Счастье мы своё искали
По горам-долам в округе...

Милый мой, а не пора ли
Поискать в глазах друг друга?

Ч/б

Пристально смотришь на фото моё чёрно-белое,
Пряди с лица убираешь рукою незримою.
Ты часто мне снишься. Я в этих снах всегда смелая,
Очень весёлая – лучшая, незаменимая.

*(Мы в предложении – главные члены, не менее,
Никто не согласен на роли второстепенные!)*

Смотришь на фото. Слушаешь сердцебиение.
Тихо смеётся столкнувшая нас Вселенная.

Крымский вечер

Смотри: по волнам неспешно шагает вечер,
Белые чайки громко о рыбе спорят.
Ты бережно кутаешь в плед мои голые плечи;
Беседа вплетается в ласковый шёпот моря —
Нашего моря.
Вот – остывают скалы,
Ветер танцует на берегу безлюдном,
Сладкой рекою льётся вино в бокалы,
И нам, как нигде, здесь спокойно, легко и уютно.

Сердце трепещет, запертой бьётся птицей...
В тёмной воде небо луну полощет.

Господи, пусть этот вечер не прекратится!
Пусть этот вечер длится как можно дольше!

Моё море

Больше нет нужды с собой спорить,
Свою душу не обмануть:
Я хочу войти в тебя, море,
И до самого сердца нырнуть.

Только так обретаешь свободу,
Только так получаешь ответ:
Моё море – мужского рода,
И таких морей больше нет.

Дарья

Удивительным образом, Дарья,
я в твою пересела лодку.
Лодка черпает воду боком,
да слегка протекает дном.
Здесь никто не согреет словом,
только стон обдирает глотку,
Да по сто тридцать пятому разу
мысли крутятся об одном.

Видишь, как получилось странно,
что настигла меня расплата, —
От неё никуда не деться,
даже если прошли года.
Я стою на отшибе – там же,
где и ты умирала когда-то,
И сегодня в путь отправляюсь
по твоим еле-видным следам.

Вот такая жестокая сказка,
вот такая недетская тема...
Ты внуши мне своим примером,
что за гранью я буду жить!
И уж коль нам с тобою, Дарья,
не понять механизмов системы,
Так наступим себе на горло,
чтоб хотя бы суметь простить.

Боже святой!

Припадала тенью к изножью,
Окружала тебя заботой.
Я любила тебя – святой Боже! —
Так, как вряд ли полюбит кто-то.
И, вдохнув твое имя однажды,
Не решалась выдохнуть.

Милый,
Я любила тебя – Боже святой! —
Ни себя не жалея, ни силы.

В тридесятом царстве

На закате тени бегут вперёд.
В мягком свете мысли на солнце греешь.
Вот, казалось, вместе не первый год,
Но порой накатывает – и млеешь!
И один-единственный взмах ресниц
Заставляет сердце поспешно биться.
Лишь её лицо – в миллионе лиц,
А она не модель ведь и не царица,
Не певица и не звезда кино —
Она просто лучшая, без причины.

В тридесятом царстве уже темно.
Тихо шепчешь: «Родная, роди мне сына».

Симфония

Вливай в моё русло реки своей любви,
Вплетай в мои косы пальцев горячих нити,
Здесь и сейчас – мигом одним живи,
Чтобы за грань реальности вместе выйти;

Чтобы ломать барьеры, и, страх круша,
Звуком единым стать и взорваться хором.
В этой симфонии в душу вращёт душа.
В этом оркестре лишь мы одни – дирижёры.

Как хорошо, что ты есть!

Ладонью к ладони —
Здесь
Любовь безо всяких клише.
Как хорошо, что ты есть:
Не у меня, – вообще.

Как здорово рядом сесть,
Собою тебя обняв!
Как хорошо, что ты есть:
Не вообще, – у меня.

БЫТЬ ЛЮБВИ

Снам плохим соседкиным нет конца,
Третий день на девоньке нет лица.
Всё подвох мерещится ей везде:
«Не к добру, – окстится, – ох, быть беде!
Быть несчастью, – плачет, – я чую зло».

Вот же дура-баба! Не повезло!
Как по мне – хоть черти, да хоть сам Вий,
Я-то знаю точно, что быть – любви!

«Возьми такси и приезжай ко мне...»

Возьми такси и приезжай ко мне,
Я без тебя сегодня сам не свой.

Мне хочется, обнявшись при луне,
Все чувства на двоих делить с тобой.
Кричать от счастья всем: она моя!
Люблю её! Да, клином; да, на ней!

Тоска перевалила за края.
Возьми такси и приезжай скорей.

От А до Ю

Быть счастливой от «А» до «Ю»,
«Я» засунув куда поглубже.
Ты мне, видимо, очень нужен,
Раз такие финты выдаю.

Раскрою себя изнутри,
В наилучших местах стачаю.
Да сама себя не узнаю —
Лучше стала-то, посмотри!

А тебе – всё не то, не так...

Приметала – да прострочила.
Глянь глазочком хоть, что получилось,
Ты же видишь, стараюсь как.

Молчание

Наше молчание неподъёмно,
Непостижимо, мне неподвластно.
Наше молчание стало объёмным,
Словно 3D в кинозале частном,
Стало вполне осязаемым.
Боже,
Я пересыщена оным навеки!
Наше молчание точит и гложет
Так, как нельзя терзать человека,
Так, как нельзя истязать живого.

Крикнуть – чтоб воздух порвался в клочья!
Но не находится нужного слова
Этой застывшей октябрьской ночью.

Порыв

Пришла, порывисто обняла.
«Чего надумала?» – говорю.
Молчит: не может найти слова.
Наверно, любит...
И я ж – люблю.

Стоит – и дышит едва-едва.
(Зачем я замер и сам – молчу?)
Тоска, помноженная на два,
Обоих хлопает по плечу,
Сжимает горло и гасит звук,
Рождённый, чтобы унять печаль.
И мы – то около, то вокруг,
Да всё никак не извлечь мораль...

Пришла, замялась... Чего молчишь?
(Скажи! Заполни словами брешь!)
Но – миг упущен: не уследишь.
Чуть слышно шепчет: «Иди... Поешь».

Гвозди с земляникой

Задушена, задавлена, пода- (...)
Подумать только, – собственным корсетом!
К каким чертям я родилась поэтом?!
Мне б лучше мудрости из жалости кто дал!

Господь, в которого давно уже не ве- (...),
Несуществующий, молюсь тебе! Ты слышишь?
Мой крик надрывный превратился в грыжу,
А я всё в той же луже, на земле:
Никак не закатается губа.

Бреду домой, неся туман-тунику.
На ужин будут гвозди с земляникой,
А так хотелось сладостей с шампа- (...)

Не трогайте музу руками

«А она тебе, собственно, кто?
Эта дама с пытливым взглядом,
Та, что вечно с тобою рядом, —
В старом драповом чёрном пальто,
В туфлях, стоптанных год назад, —
Эта, ну, как её зовут-то?
Та, которой двадцать как будто
Или больше чуть-чуть – наугад,
А не деле – десяток плюс!
Так вот кто она – для тебя-то?
И не слишком ли старовата
Мадемуазелька, поющая блюз?»

Улыбается: «Плюйтесь словами,
Но не трогайте музу руками!»

«Мы с тобою поехали дальше...»

Мы с тобою поехали дальше,
А она сошла на перроне.
Задрожали твои ладони.
Она видит тебя, мой мальчик,

Она слышит каждое слово,
Даже мысли читает, может.
Тут её не почувствовать кожей,
Но во сне вы увидите снова:

Ты, вернувшись в детство-без-фальши,
Тронешь бабушкино колено.

На виске твоём бьётся вена.
Ты молчишь.
А мы едем дальше.

37,2

Пятый день тридцать семь и два.

Знаешь, видно, магнитные бури
В нас тобой натолкали дури,
Да обид наплели кружева.

Ртутный столбик ползёт не спеша.

Нас упрямство в заложниках держит,
Пробивая сквозные бреши
Там, где нежность хранила душа.
Так за принципом прячется суть:
В этом детском споре-до-гроба
Всё равно проигравшие – оба.

Тридцать семь и два.

Не уснуть,
Губ не тронуть – едва-едва, —
Обожжённых молчаньем долгим.
С этих ссор – никакого толку.
...Пятый день тридцать семь и два

«Гнись, тростинка, на ветру...»

Гнись, тростинка, на ветру,
Ночью темной гнись.
Выйдет солнышко к утру,
Ты его дождись.

Гибче, ниже, будь сильней!
Гнись, не надломись.
Солнце выйдет – обогреет.

А пока – крепись.

Позвоните родителям

Мимо жёлтых холмов, к устью синей реки,
Шли топиться седые, как лунь, старики:
«Лучше смерть, чем так жить!»

Покосившийся дом,
Руки в венах и ложку-то держат с трудом,
Плечи тянут к земле и глаза чуть глядят,
И больные сердца ничего не хотят.

Только память услужливо крутит кино,
Не забылось, не стёрлось в уме ничего:
Ни война, ни разруха, ни годы работ,
Ни любовь, за которой бежали вперёд...

Дом стоял полной чашей, родила земля,
Да казалась такую сплочённой семья!
Но сменяются листья, уходят года,
И птенцы из гнезда улетают всегда.

Дети съехали в город – и канули в нём,
А родители в хатке стареют вдвоём,
Покрываясь узорной резьбой морщин:
Не вернётся ли дочь? Не приедет ли сын?
Словно два недолюбленных преданных пса,
У дороги стоят. Но молчат небеса.
И однажды, скрываясь от страшной тоски,
Взялись за руки брошенные старики,
Побрели прочь от дома – давно не гнезда —
К устью синей реки, да песчаным холмам.

Ветер шёпот крадет: «На внучат бы взглянуть...»
Старики завершают свой жизненный путь.

Чернобыль

Засыпай, мой малыш. Вот тебе молоко,
Крепче чашку держи шестипалой рукой.
Раньше, помнится, деток кормили грудным,
А сейчас – синтетическим стали, простым.
Витамины росли не в коробках тогда,
И была не химической еда,
И вода не в бутылках текла, а в реке,
И от солнышка прятались люди в теньке...
А теперь-то ни тени, ни солнышка нет:
Через тучи не ходит ласковый свет,
Тучи с ветром приносят урановый дождь.

Мой сыночек, когда-нибудь ты поймёшь,
Может, даже простишь – или внуки простят...

Но здоровых – своих – уже не родят.

«Люблю тебя – светло и чисто...»

Люблю тебя – светло и чисто,
Нежнее в мире чувства нет.

Земной клубок мотает быстро
Нить шерстяную наших лет,
Сплетает судьбами так плотно,
Как будто вяжет тёплый шарф.

С тобой легко и беззаботно.
Ты спишь, к груди меня прижав.

«Топишь в сердце, как в печке, лёд...»

Топишь в сердце, как в печке, лёд.
Ни назад тебе, ни вперёд:
Вроде как не одна, а с ним,
Но тесно, вам тесно двоим.

Ты ему – и сестра, и мать,
А женою тебе не стать.
Нет, женою тебе не быть:
По течению, видно, плыть,
Суждено до скончания лет.

Крошишь в пальцах надежды свет,
Душишь в лёгких печальный вздох:
«Может, он и не так уж плох?
Может, капельку потерпеть?»
Только прожита жизнь на треть,
А назад уже не свернуть,
И не станет упруже грудь,
И не станет стройнее стан.
Истирает черты туман —
Время жадно молодость жрёт,
А тебе – ни назад, ни вперёд.

А тебе – ни вперёд, ни назад,
Не отец он тебе и не брат.
Поздно клеить, но страшно рвать.

Ты решаешь *ещё* подождать.

«Птица белая, птица славная...»

Птица белая, птица славная,
Кто ж тебе так поранил крыло?
Кровоточит обида давняя,
Солью жжётся проклятое зло,
И летать не по силам – не можется.
...Да как только рука поднялась?!

Тебе нечего больше тревожиться,
От людских укрываясь от глаз:
Помогу тебе – как под силу мне,
Сердцу, верно, не запретишь.
Ты доверься мне, птица милая,
Ты доверься мне – и взлетишь.

Бессонница

Душу выскребли кошки дочиста,
Ох, того и гляди, порвут!

Одеялом легло одиночество
И бессонница тут как тут:
Корчит рожи, глумится и бесится,
На клочки разрывает ночь.
Не повесить и не повеситься, —
Нет, не выманить гадину прочь:
Я в плену у неё, я в заложницах.

Вот: насмешливым взмахом руки
Под глазами моими – художница! —
Вырисовывает круги.

Девичье

Немного ревнует к жёнам, что были «до»,
Колечко рисует ручкой на безымянном
И замолкает, сделав глоток бордо:
Мыслей смутившись, прячет их по карманам.

Казалось бы: той, кого не застать врасплох,
Той, чья естественность стала почти что притчей,
Нужно всего-то сделать глубокий вдох,
Да и задать заветный вопрос девичий!

Но – ждёт у окна, прислонившись к прохладе лбом,
Шлёт СМС-поцелуи, чтобы при встрече
Вновь промолчать —
Мол, пускай «своим чередом».

...А в голове тренирует свое красноречие.

«Жую минуты. Вечер тянет в ночь...»

Жую минуты. Вечер тянет в ночь.
Вся из себя, наедине с ноутбуком,
Нырнула в мысли:
Как себе помочь
И как помочь единственному другу?

Запутавшись в хитросплетеньи слов
Мы замолчали – оба – слишком рано.
«Я для тебя на всё-превсё готов», —
Ты скажешь мне, зализывая раны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.